

„КНИЖНЫЙ УГОЛ“

КРИТИКА — БИБЛИОГРАФИЯ
ХРОНИКА

3

Издательство
„ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК“
Петербург.
1918.

Гоголь и Петрарка.

... все это были перепѣвы Запада, перепѣвы Греціи и Рима, но особенно Греціи, и у Пушкина, и у Жуковского, и вообще «у всѣх и х». Баратынскій, Дельвиг, всѣ «они». Даже Тютчев. Гоголь же показал «Матушку Натуру». Вот она, какова—Русь; Гоголь и, затѣм—Некрасов.

О Гоголѣ: если принять во вниманіе, как он любил Рим, и **влюбился** в него сразу, с перваго раза, с перваго глаза: то отчего не понять, что он был вовсе не русским обличителем, а европейским; и, даже, что

он был до известной степени—обличителем христианским, т. е. самого христианства. И тогда роль его вытекает совершенно иная, нежели как я думал о нем всю мою жизнь: роль Петрарки и творца языческаго Renaissance'a.

«Вот что принес на землю Христос, каких Чичиковых и Собакевичей, и Коробочек. Какое тупоумие и скудодушевность. Когда прежде была Аннунціата».

Аннунціата, как помнят читатели Гоголя—была албанка.

У Османа Нурри-бея, «младо-турка», т. е. турка образованнаго, у котораго я покупал древне-греческія монеты и который такими монетами обогащал и наш Эрмитаж, и Britisch Museum, и Берлин и Вѣну, жена была Албанка-мусульманка, увидѣнная мною без покрывала, только один раз; я ее увидѣл в «Hotele Regina», когда случайно «не во время» зашел к Нурри-бею. Она была матовая, прекрасная, вся арійскаго, а не монгольскаго типа. На мое удивленіе ея красотѣ, Нурри-бей мнѣ объяснил, что «албанцы происходят от чистѣйших греков, не смѣшанных ни с носорыльми славянами, ни со скуластыми монголами». Гоголь несомнѣнно видал албанок, и нарисованный им портрет Аннунціаты не ложен. И об Аннунціатах он писал, как об Аннунціатах; о русских-же писал, как написал.

В таком случаѣ его выраженіе «неча на зеркало пенять, коли рожа крива» приходится точь в точь.

Революція нам показала и душу русских мужиков, «дядю Митяя и дядю Миняя», и пахнущаго Петрушку, и догадливаго Селивана. Вообще—только Революція, и—первые революція оправдала Гоголя.

Петрарка—пѣл Лауру. И мнѣ мелькает мысль о сходствѣ исторической роли Гоголя с исторической ролью Петрарки. Оба они тяжелым вздохом вздохнули по античном мірѣ. Просто—еще не понимая ничего, а только сравнивая красоту лиц. «За лицом—душа: и неужели были хуже души греков и римлян за вот этакими их лицами, нежели души Коробочек и Чичиковых за достаточно хорошо нам известными лицами этих наших современников»? . . . ? . . .

Спросили и умерли.

Или сошли с ума.

В. Розанов.